НЕУДАЧИНО

ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ #КИБЕРПУТЕВОДИТЕЛЬ

ТАКОЕ МОГЛО ПРОИЗОЙТИ ТОЛЬКО ЗДЕСЬ

Данила Резцов

Неудачино. Это моя земля. Киберпутеводитель

«Издательские решения»

Резцов Д.

Неудачино. Это моя земля. Киберпутеводитель / Д. Резцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678023-1

Деревня Неудачино Новосибирской области — место парадоксальное. Ее название словно бросает вызов, но за ним скрывается 120 лет истории духовной стойкости, культурного богатства и мастерства. Здесь живут меннониты — потомки немецких переселенцев, хранители библейских заповедей и платского языка. Авторы сборника верят, что легенды о Неудачино достойны экранизаций и других медиаформатов.Киберпутеводитель реализуется Федеральным центром гуманитарных практик РГГУ.

ISBN 978-5-00-678023-1

© Резцов Д.
© Издательские решения

Содержание

Благодарность партнерам 6
Жюри литературного конкурса 7
Парадокс названия, величие духа 8
Имя, обязывающее к действию 9
Материализация идей участников слета молодых специалистов культуры 10
Талант и усердие ведут к победе 11
Традиции, нацеленные на созидание 12
Больше чем название 15
Циферблаты памяти 22
Мелодия возвращения 29
Библия, что сшила время 36
Свет над Неудачино 40
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Неудачино. Это моя земля
Киберпутеводитель

Авторы: Мертенс Тамара, Кузнецова Галина, Николаева Елена, Назарова Дарья, Клименко Николай, Смирнова Юлия, Фрай Кристина, Яковлев Юрий, Морозов Сергей, Клюев Михаил, Ефимова Светлана, Резцов Данила, Шевченко Лидия, Иванова Мария, Видяев Антон, Вербина Елена, Р'ЮЖ Александра, Миронова Дарья, Ефремов Даниил, Халтурина Мария, Карликова Милена, Степаниденко Александр, Губа Анастасия

Продюсер Андрей Сулейков
Главный редактор Елена Наймушина
Куратор Алексей Пищулин
Консультант Андрей Зырянов
Консультант Олеся Гавриленко
Иллюстратор Александра Криволуцкая

© Тамара Мертенс, 2025
© Галина Кузнецова, 2025
© Елена Николаева, 2025
© Дарья Назарова, 2025
© Николай Клименко, 2025
© Юлия Смирнова, 2025
© Кристина Фрай, 2025
© Юрий Яковлев, 2025
© Сергей Морозов, 2025
© Михаил Клюев, 2025
© Светлана Ефимова, 2025
© Данила Резцов, 2025
© Лидия Шевченко, 2025
© Мария Иванова, 2025
© Антон Видяев, 2025
© Елена Вербина, 2025
© Александра Р'ЮЖ, 2025
© Дарья Миронова, 2025
© Даниил Ефремов, 2025
© Мария Халтурина, 2025
© Милена Карликова, 2025
© Александр Степаниденко, 2025
© Анастасия Губа, 2025
© Александра Криволуцкая, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-8023-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность партнерам

Издательство «Это моя земля», жюри литературного конкурса «Неудачино. Это моя земля», оргкомитет киберпутеводителя выражают сердечную признательность партнерам проекта, благодаря которым состоялись конкурс легенд и создание сборника:

• Федеральный центр гуманитарных практик РГГУ;
• Министерство культуры Новосибирской области;
• Совет молодых специалистов при Министерстве культуры Новосибирской области;
• Администрация Татарского муниципального района;
• Администрация Неудачинского сельсовета;
• Муниципальное автономное учреждение культуры «Татарская централизованная библиотечная система»;
• Агентство поддержки молодежных инициатив;
• Новосибирская областная молодежная библиотека;
• Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»;
• Школа дизайна НИУ ВШЭ;
• Президентская платформа «Россия – страна возможностей»;
• Программа «Другое дело»;
• Издательство «Литературная газета»;
• Редакция «Комсомольская правда»;
• Журнал «Мир Музея»;
• ОСИГ – Общенациональный Союз Индустрии Гостеприимства;
• Вести Туризм – информационное интернет-агентство;
• Интурмаркет – международная туристическая выставка;
• Издательство «Аппреал»;
• Brand Analytics – система мониторинга и анализа социальных медиа.

Жюри литературного конкурса

Замшев Максим Адольфович

Российский писатель, поэт и прозаик, публицист, литературный критик, переводчик с румынского и сербского языков. Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Чеченской Республики (2010). Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Главный редактор «Литературной газеты».

Пищулин Алексей Юрьевич

Директор Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Главный редактор художественного иллюстрированного журнала «Мир Музея». Сценарист и режиссер телевизионных документальных фильмов.

Лысенко Юлия Петровна

Заместитель главы администрации Татарского муниципального округа Новосибирской области.

Гавриленко Олеся Александровна

Наставник Совета молодых специалистов при Министерстве культуры Новосибирской области.

Сулейков Андрей Владленович

Продюсер Федерального центра гуманитарных практик РГГУ. Автор и преподаватель курса «Конструктор легенд». Член Союза писателей России. Лектор Российского общества «Знание».

Парадокс названия, величие духа

Деревня Неудачино… Имя – словно брошенная перчатка, вызов судьбе. Но за этим вызовом – 120 лет духовной стойкости, культурного богатства и человеческого гения. Здесь, в сибирской глуши, живут меннониты – потомки немецких переселенцев, хранители библейских заповедей и платского диалекта, языка без письменности, но с живой душой, что связывает поколения единой нитью памяти.

За годы работы на телевидении я постоянно встречалась с людьми, чьи судьбы стали частью истории России – артистами, учеными, героями. Но люди-легенды творят величие Родины во всех уголках нашей страны.

Абрам Яковлевич Штеффен – почетный гражданин Татарского района, изобретатель, инженер, музыкант и летописец – его башенные часы не только стали символом Неудачино, но и украсили Санкт-Петербург и Татарск.

Через мою школу «Артмедиаобразование» прошли сотни молодых журналистов. Я учу их: подлинные истории живут там, где земля дышит правдой. Иллюстрацией тому служит активность участников литературного конкурса «Неудачино. Это моя земля». Из 84 историй – художественных и публицистических, воплощающих духовные ценности и традиции общины, – жюри выбрало 24 работы.

Неудачино – название-вызов. В подобных местах рождаются сильные люди! Сила этой земли – в ее парадоксе: она дает не только надежду на удачу, но и опору на веру, традиции, семью.

Башенные часы Штеффена идут без сбоев, им можно доверять. Так и энергия сибирских устоев служит надежным ориентиром для тех, кто вырос и воспитан в уважении к духовно-нравственным ценностям, историческим и национально-культурным традициям.

Пусть этот сборник станет путеводителем не только по земле Неудачино, но и по душам тех, кто привык рассчитывать на себя и близких, а удачу принимает как подарок.

Арина Шарапова,
телеведущая, журналист, основатель школы «Артмедиаобразование»,
член Общественной палаты Москвы

Имя, обязывающее к действию

Дорогие земляки и гости нашей прекрасной земли! История Татарского муниципального округа – это не просто даты и факты, а живая ткань из воспоминаний, преданий и человеческих судеб. Каждый уголок здесь дышит легендами, где переплелись сибирская стойкость, щедрость природы и мудрость поколений.

Сборник «Неудачино. Это моя земля» – это голос нашей малой родины, собранный из рассказов старожилов, творчества молодежи и исследований краеведов. Он напоминает: «Такое могло произойти только здесь» – среди наших полей, рек и лесов, под куполами церквей, чьи силуэты узнаются даже за океаном.

Почему легенды важны? Они – душа территории. Взгляните на Михаило-Архангельскую церковь, которая ранее существовала в Татарске: ее образ вдохновил архитектора Луиса Солливана создать точную копию в Чикаго в 1903 году. Это ли не доказательство силы культурного кода, рожденного на нашей земле? Легенды оживляют камни, наполняют смыслом привычные пейзажи и связывают нас с предками. Они учат видеть красоту в родном крае, ценить прочность традиций и находить пользу в знаниях о своих корнях.

Сборник «Неудачино. Это моя земля» стал частью масштабного движения по возрождению локальной истории, поддержанного Федеральным центром гуманитарных практик РГГУ, Министерством культуры Новосибирской области и президентской платформой «Россия – страна возможностей». Конкурс историй и легенд, завершившийся 15 апреля 2025 года, – не просто состязание талантов. Это народная летопись, где студенты, учителя, художники и дети сообща воссоздают портрет деревни Неудачино. Их работы войдут в цифровой киберпутеводитель по России, оживут в фильмах, графических новеллах и туристических маршрутах.

Неудачино – имя, обязывающее к действию. Здесь никогда нет «неудачи», а есть вызов, принятый сибиряками. Как Марта из легенды преодолела сомнения, чтобы достичь цели, так и мы создаем будущее, опираясь на прошлое. Пусть этот сборник станет мостом между эпохами и маяком для тех, кто ищет свои сокровища «на любимой земле».

Приезжайте в гости – и вы услышите, как шепчут листвой деревья у башни с часами в городе Татарске и деревне Неудачино. Откройте книгу – и вы почувствуете, как бьется сердце деревни Неудачино.

Юрий Маркленович Вязов,
Глава Татарского муниципального округа
Новосибирской области

Вадим Валерьевич Носков,
Председатель Совета депутатов Татарского муниципального округа Новосибирской области

Материализация идей участников слета молодых специалистов культуры

В сфере культуры Новосибирской области на протяжении 12 лет действует уникальное молодежное объединение, аналогов которому до 2025 года не было в других регионах России, – это Совет молодых специалистов при Министерстве культуры Новосибирской области.

При поддержке Федерального центра гуманитарных практик и журнала «Мир Музея» Советом в 2023 году был реализован проект «Новосибирская область. Это моя земля» и выпущен электронный сборник легенд о регионе; проведены две дизайн-сессии (2023, 2024), посвященные развитию туризма и индустрии гостеприимства в Новосибирской области; в 2024 году проведен Слет молодых специалистов культуры Сибирского федерального округа.

Местом проведения слета был выбран Татарский район, располагающий крупными культурными объектами и уникальными достопримечательностями, одно из которых – это меннонитское село Нейфельда (ныне деревня Неудачино).

Посещение этой территории вдохновило участников слета. Ими было предложено проведение конкурса литературных работ «Неудачино. Это моя земля».

Мы были рады участвовать в отборе конкурсных работ и надеемся, что научно-популярные тексты и легенды, вошедшие в настоящий сборник, станут основой для создания уникальных продуктов креативной индустрии: игр, спектаклей, мультфильмов и пр. Это позволит еще большему числу жителей и гостей нашей страны узнать об уникальной территории – деревне Неудачино, где люди живут в мире и согласии, сохраняют и передают историю, чтят традиции и с уверенностью строят свое удачное будущее.

Олеся Александровна Гавриленко,
наставник Совета молодых специалистов при Министерстве культуры Новосибирской области

Талант и усердие ведут к победе

Территория – это всегда история. А точнее, множество историй, сплетающихся в эмоционально окрашенный узор. Киберпутеводитель «Неудачино. Это моя земля», основанный на художественных произведениях о достопримечательностях, – это попытка уловить, зафиксировать и передать узор, сотканный временем, людьми и их судьбами.

Перед вами результат исследования слушателей курса «Сторителлинг» в Школе дизайна НИУ ВШЭ. Здесь наши студенты – режиссеры, дизайнеры, журналисты, маркетологи – взяли на себя смелость стать голосом сибирского села. Деревни с говорящим именем Неудачино.

Задача для студентов непростая и в творческом, и в маркетинговом аспекте. Требуется создать истории, которые:

1. Затягивают с первой минуты и держат в напряжении до последней фразы. Сохраняют внутренний ритм и драматургию.

2. Удивляют. Особенно неожиданным должен быть финал. Прозвучать как выстрел. Непредсказуемо, но неизбежно.

3. Работают на продвижение территории. Каждая строчка, каждый образ – это инвестиция в привлекательность Неудачино, в его туристический и культурный потенциал. Маркетинговая задача здесь не вторична, она – органична.

4. Живут в симбиозе с визуалом. Текст и изображение дополняют друг друга. Стиль и подача – все должно работать на формирование целостного впечатления.

5. Находят свою аудиторию. Не только в сборнике, но и в цифровом пространстве – на сайте «Креативный город», на просторах конкурса, в магазинах электронных книг, в соцсетях, везде, где живут истории.

Неудачино – место особенное. 120 лет это островок меннонитской культуры, хранящий древний платский диалект, библейские заветы и удивительное наследие мастера-универсала Абрама Штеффена. Его башня с часами – это символ времени и мастерства, превращающего шестеренки в искусство и память. И как его часы отмеряют секунды, так и эти студенческие истории пытаются уловить дух места – от гастрономических откровений (твойбак, nudelsuppe, шмагус) до легенд, рожденных в сибирской степи.

Особые слова заслуживают Анастасия Губа и Мария Халтурина. Тексты победителей федерального литературного конкурса – студенток Школы дизайна НИУ ВШЭ стали украшением сборника, доказав, что талант и усердие способны превратить учебное задание в авторскую победу. Принимайте поздравления! Ваш успех – наглядное подтверждение эффективности практико-ориентированного подхода. Ваши работы, созданные в Школе дизайна, поддержаны серьезными институциями – от администрации района до регионального министерства культуры и Федеральным центром гуманитарных практик.

«Неудачино» – сороковой киберпутеводитель в коллекции «Это моя земля». Это сороковое доказательство, что сторителлинг – мощный маркетинговый инструмент для очеловечивания бренда, продукта, территории. Инструмент, которым студенты учатся владеть и с помощью которого воплощают географическую точку в место силы, в место памяти, в место, куда хочется приехать.

Читайте. Впитывайте атмосферу Неудачино. И помните: за каждой историей стоит не только талант автора, но и реальная земля, реальные люди и реальное время, отмеряемое часами Абрама Штеффена. Это их земля. Теперь – немного и наша.

Александр Алексеев,
Президент Клуба арт-директоров России, куратор направления «Дизайн и продвижение цифрового продукта» Школы дизайна НИУ ВШЭ

Традиции, нацеленные на созидание

Сороковой сборник серии стал ключом к удивительному месту, где время отмеряется стуком сердец общины и механизмом уникальных часов.

Деревня Неудачино в Новосибирской области – место парадоксальное. Ее название словно бросает вызов, но за ним скрывается 120-летняя история духовной стойкости, культурного богатства и человеческого мастерства.

Здесь, на сибирской земле, живут меннониты – потомки немецких переселенцев, хранители библейских заповедей и платского языка. Этот диалект, передающийся из уст в уста, не имеет письменного начертания, но это не мешает служить живой нитью, связующей поколения.

Символом Неудачино стали башенные часы. Творение Абрама Яковлевича Штеффена – человека-легенды, Почетного гражданина Татарского района. Изобретатель, инженер, музыкант, художник, летописец – его дух и талант воплотились в механизмах, украшающих не только Неудачино, но и Санкт-Петербург, и Татарск. Его дом-музей – это портал не только в прошлое, но и в гастрономическую вселенную общины: твойбак, nudelsuppe, wuflle, ароматный rosinenkissel, strudel и шмагус – все это часть неудачинского кода, его вкус и аромат.

Именно эта уникальность, эта способность рождать истории, которые могли произойти только здесь, и сподвигла Федеральный центр гуманитарных практик РГГУ провести литературный конкурс «Неудачино. Это моя земля». Мы искренне благодарны нашим партнерам – Министерству культуры Новосибирской области, Совету молодых специалистов, Агентству поддержки молодежных инициатив, Новосибирской областной молодежной библиотеке, администрациям Татарского района и деревни Неудачино, журналу «Мир Музея». Особая признательность президентской платформе «Россия – страна возможностей» за поддержку авторов наградами от программы «Другое Дело».

84 истории поступили на конкурс – 84 взгляда на Неудачино, его прошлое, настоящее и будущее. 59 художественных и 25 публицистических текстов, каждый из которых стал отражением одной из традиционных духовно-нравственных ценностей, бережно хранимых общиной. Жюри выбрало 24 истории для сборника о Неудачино.

Проект – продолжение серии киберпутеводителей «Это моя земля». Методология «Конструктора легенд», отточенная в литературных мастерских РГГУ, Школы дизайна НИУ ВШЭ и РАНХиГСе, вновь доказала эффективность. Имена студентов и преподавателей этих вузов – победителей федеральных литературных конкурсов вплетены в киберпутеводители по Уфе, Павловскому Посаду, Хакасии, Томску, Артеку и многим другим уголкам России.

Листайте страницы сборника. Вслушивайтесь в ритм часов Штеффена, всматривайтесь в лица меннонитов, пробуйте на вкус их традиционные блюда. Пусть истории станут проводником в мир, где вера, культура и творчество сделали деревню Неудачино легендарной. Деревню, где традиции нацелены на созидание, а каждая история – подтверждение тезиса «Такое могло произойти только здесь».

Добро пожаловать на землю Неудачино!

Андрей Сулейков,

продюсер киберпутеводителей «Это моя земля», Федерального центра гуманитарных практик РГГУ, лектор Российского общества «Знание», автор и преподаватель курса «Конструктор легенд»

ЛЕГЕНДЫ

НЕУДАЧИНО

Больше чем название
Тамара Мертенс

Олег щелкнул затвором в пятидесятый раз за день. Дорожный знак «Веселые Горки» отправился в коллекцию необычных названий населенных пунктов, которую он собирал уже третий год. В багажнике его потрепанной «Нивы» валялась карта с отмеченными точками – маршрут, проложенный через самые странные, смешные и нелепые названия деревень и поселков.

– Так, следующая остановка – Неудачино, – пробормотал он, сверяясь с навигатором. – Еще сто двадцать километров.

Олег потер щетину на подбородке – он принципиально не брился в поездках, считая это своеобразным ритуалом. Фотоаппарат, висевший на шее, качнулся, когда машина подпрыгнула на очередной выбоине. Дороги в глубинке оставляли желать лучшего, но это было частью приключения.

В зеркале заднего вида отражались его усталые глаза с характерными «гусиными лапками» от постоянного прищура – профессиональная привычка фотографа. На заднем сиденье громоздились рюкзак, штатив и коробка с распечатанными фотографиями – материал для будущей выставки «Россия в названиях».

Неудачино манило его давно. Название, которое звучало как насмешка судьбы, обещало стать жемчужиной коллекции. В интернете он нашел десятки селфи туристов на фоне знака – люди корчили рожи, показывали пальцем на название, делали вид, что плачут. Банально и предсказуемо. Олег хотел большего – идеальный ракурс, особенное освещение, что-то, что выделит его снимок из массы однотипных фотографий.

Дорога петляла между полей, солнце клонилось к закату, окрашивая небо в оранжевые тона. Олег прибавил громкость радио, где крутили старый рок-н-ролл. Он любил такие моменты – одиночество, дорога, музыка и предвкушение новой находки для коллекции.

Наконец впереди показался знак. Олег сбавил скорость, готовясь к повороту, и удивленно присвистнул. Возле знака «Неудачино» толпились люди – не меньше десятка человек с телефонами наперевес. Очередь за селфи на фоне дорожного указателя.

– Вот это да, – хмыкнул он, паркуясь на обочине. – Похоже, я не оригинален.

Выйдя из машины, Олег направился к знаку, разминая затекшую от долгого сидения спину. Краем глаза он заметил пожилую женщину, стоявшую в стороне от туристов. Она наблюдала за происходящим с таким выражением лица, будто перед ней разворачивалось нечто непристойное.

Олег терпеливо ждал своей очереди, наблюдая за туристами. Молодая пара из Москвы (судя по номерам их машины) делала десятый дубль селфи, никак не добиваясь нужного результата. Парень в клетчатой рубашке выкрикивал: «Неудача в Неудачино!» – пока его спутница хихикала, прикрывая рот ладошкой.

Пожилая женщина, заметившая взгляд Олега, покачала головой и что-то пробормотала по-немецки. Ее седые волосы были собраны в тугой пучок, а в руках она держала плетеную корзинку, накрытую клетчатым полотенцем.

Когда очередь наконец дошла до Олега, он достал свой профессиональный фотоаппарат и начал настраивать выдержку. Туристы с любопытством наблюдали за его манипуляциями.

– Вы что, журналист? – спросил парень в клетчатой рубашке.

– Нет, просто коллекционирую необычные названия, – ответил Олег, не отрываясь от видоискателя.

Он сделал несколько снимков с разных ракурсов, но чувствовал, что чего-то не хватает. Банальные кадры, ничем не отличающиеся от сотен других в интернете. Вздохнув, он опустил камеру и заметил, что пожилая женщина все еще стоит неподалеку, наблюдая за ним с нескрываемым неодобрением.

Повинуясь внезапному импульсу, Олег подошел к ней.

– Здравствуйте. Вы местная?

Женщина окинула его оценивающим взглядом, задержавшись на фотоаппарате.

– Я здесь родилась, – ответила она с легким акцентом. – Еще когда это было настоящее Неудачино, а не аттракцион для туристов.

– Настоящее? – заинтересовался Олег. – А что значит название? Почему деревню так назвали?

Женщина усмехнулась, морщинки вокруг ее глаз стали глубже.

– Вы как все. Приезжаете, смеетесь над названием, делаете свои фотографии и уезжаете. А ведь за этим знаком – целый мир.

Она развернулась и пошла по дороге в сторону села. Олег, сам не зная почему, последовал за ней.

– Подождите! Я бы хотел узнать больше. Я фотограф, собираю материал для выставки.

Женщина остановилась и повернулась к нему.

– Выставки чего? Смешных названий?

– Не только, – Олег почувствовал, как краснеет. – Я хочу показать настоящую Россию через ее названия. Каждое имеет свою историю, свой характер.

Женщина смерила его взглядом, затем кивнула.

– Меня зовут Ирма. Если хотите узнать о настоящем Неудачино, приходите сегодня к дому-музею Штеффена. Это наша главная достопримечательность, любой покажет дорогу.

Она повернулась и пошла дальше, оставив Олега в растерянности. Он посмотрел на знак, вокруг которого все еще толпились туристы, затем на удаляющуюся фигуру Ирмы и почувствовал, что его привычный план – сделать фото и ехать дальше – начинает меняться.

– Эй, фотограф! – окликнул его парень в клетчатой рубашке. – Сделаешь нам пару снимков на профессиональную камеру? Заплатим!

Олег покачал головой.

– Извините, спешу. У меня встреча в доме-музее.

Дом-музей Штеффена оказался небольшим белым зданием с черепичной крышей и резными наличниками. Олег дважды проверил адрес, прежде чем постучать в дверь. Ирма открыла почти сразу, словно ждала его.

– Проходите, – она посторонилась, пропуская его внутрь. – Только фотоаппарат оставьте в прихожей.

Олег нехотя повесил камеру на вешалку. Без привычной тяжести на шее он чувствовал себя странно уязвимым.

– Это музей или ваш дом? – спросил он, оглядывая комнату, заставленную старинной мебелью.

– И то, и другое, – Ирма провела рукой по деревянному комоду. – Я здесь смотритель и последний представитель семьи Штеффен в Неудачино.

Она жестом пригласила его сесть за массивный стол и поставила перед ним чашку с чаем.

– Вы хотели узнать о названии, – это был не вопрос, а утверждение. – Что ж, слушайте. Неудачино основал в 1905 году немец-меннонит Абрам Нейфельд. Название не имеет ничего общего с неудачей. На диалекте наших предков «ной» означает «новый», а «дах» – «крыша». Новая крыша, новый дом. Со временем название исказилось.

Олег отхлебнул чай, пытаясь переварить информацию.

– Но почему никто не исправит это недоразумение?

Ирма пожала плечами.

– А зачем? Раньше никого не волновало. А теперь… – она кивнула в сторону окна, за которым виднелась дорога, – теперь это привлекает туристов. Хотя они видят только знак, а не село.

В этот момент дверь открылась и в комнату вошел коренастый мужчина лет сорока с обветренным лицом и мозолистыми руками.

– А, Виктор, – кивнула Ирма. – Познакомься, это Олег, фотограф из города. Собирает необычные названия.

Виктор окинул Олега недружелюбным взглядом.

– Еще один. Из-за таких, как вы, я не могу нормально работать. Знаете, сколько раз мне приходилось выгонять туристов с моего поля? Они вытаптывают посевы, чтобы сделать фото со знаком с лучшего ракурса.

– Виктор наш фермер, – пояснила Ирма. – Его поля как раз возле дороги, у знака.

– Я не хотел… – начал Олег, но Виктор перебил его.

– Все вы не хотите. А потом выкладываете свои фотографии, и приезжает еще больше таких же. Знаете, что было на прошлой неделе? Какой-то блогер притащил надувной диван, поставил его прямо на моей пшенице и снимал видео для своего канала!

Олег почувствовал, как краснеет. В его коллекции были снимки, сделанные с полей, но он никогда не задумывался, что это может кому-то мешать.

– Виктор, не начинай, – устало сказала Ирма. – Лучше расскажи про новый указатель.

Фермер нахмурился еще сильнее.

– Администрация решила поставить туристический указатель, который будет направлять людей к специальной площадке для фотографирования. Чтобы они не создавали пробки на дороге и не лезли на поля.

– Это же хорошо, разве нет? – спросил Олег.

– Хорошо, если бы они не собирались заменить наш исторический знак на какую-то модернизированную версию с подсветкой и прочей ерундой, – проворчал Виктор. – Как будто мы тематический парк, а не село с историей.

Ирма поставила перед ним чашку чая.

– Виктор боится, что новый знак привлечет еще больше туристов, – пояснила она. – А я боюсь, что он окончательно превратит Неудачино в посмешище. Никто даже не собирается упоминать на нем настоящую историю села.

Олег задумчиво вертел в руках чашку. То, что начиналось как обычная остановка для пополнения коллекции, превращалось в нечто более сложное.

– А что, если… – начал он, но его прервал звонкий голос.

– Бабушка! Я принесла хлеб!

В комнату вбежала девочка лет двенадцати с двумя светлыми косичками и веснушками на носу. Увидев Олега, она замерла.

– Это кто?

– Это Олег, фотограф, – представила его Ирма. – А это моя внучка Лиза.

Девочка с любопытством разглядывала гостя.

– А вы тоже приехали фотографировать наш знак? У меня в Сети целая коллекция селфи туристов. Некоторые такие смешные!

– Лиза, – укоризненно покачала головой Ирма.

– Ну что? – пожала плечами девочка. – Благодаря этому знаку у меня теперь друзья по всему миру. Я даже переписываюсь с девочкой из Австралии, которая проезжала через нашу деревню в прошлом году!

Олег невольно улыбнулся. Похоже, отношение к знаменитому знаку в семье было неоднозначным.

Следующие три дня Олег провел в Неудачино, забыв о своем первоначальном плане. Он снимал не только знак, но и людей, дома, поля – все, что составляло настоящую жизнь села. Ирма познакомила его с другими жителями, каждый из которых имел свое мнение о знаменитом дорожном указателе.

Старый Генрих, помнивший еще времена, когда в селе говорили преимущественно на немецком, считал туристов досадным недоразумением. Молодая учительница Наталья жаловалась, что дети стесняются названия своего села, когда выезжают на соревнования в район. А владелец единственного магазина Петр радовался каждому приезжему – они хоть что-то покупали, поддерживая его скромный бизнес.

Утром четвертого дня Олег сидел на скамейке возле дома-музея, просматривая отснятый материал, когда к нему подбежала запыхавшаяся Лиза.

– Олег! Там собрание в администрации! Про новый указатель! Бабушка велела тебя позвать!

Здание администрации – двухэтажный кирпичный дом с башенными часами – было переполнено. Казалось, собралось все село. Олег протиснулся внутрь и встал рядом с Ирмой, которая кивнула ему, не отрывая взгляда от мужчины в костюме, стоявшего перед собравшимися.

– Как я уже сказал, – говорил мужчина, судя по всему, представитель районной администрации, – проект нового туристического указателя уже утвержден. Он будет установлен в следующем месяце. Старый знак демонтируют.

Он развернул на столе большой лист бумаги с проектом. Олег вытянул шею, пытаясь разглядеть изображение. Новый указатель представлял собой стилизованную конструкцию с надписью «Добро пожаловать в Неудачино» и схематичным изображением фотоаппарата.

– Это что за уродство? – громко спросил Виктор, стоявший в первом ряду. – Где тут хоть слово о настоящей истории села?

– История будет отражена в информационных материалах, которые можно будет получить в администрации, – ответил чиновник.

– Которые никто не будет читать! – воскликнула Наталья. – Туристы приезжают на пять минут, делают селфи и уезжают!

– А мне нравится, – подал голос Петр. – Современно, привлекательно. Может, туристы будут задерживаться подольше.

В зале поднялся гул – одни поддерживали проект, другие возмущались. Олег смотрел на макет и чувствовал растущее разочарование. Безликий, стандартный дизайн, который мог бы стоять в любом туристическом месте. Ничего от настоящего Неудачино, которое он успел узнать за эти дни.

– А что, если сделать по-другому? – неожиданно для себя произнес он громко.

Гул стих, все повернулись к нему.

– Вы кто? – нахмурился чиновник.

– Олег Соколов, фотограф. Я работаю над выставкой о российских селах с необычными названиями.

– И что вы предлагаете? – скептически спросил чиновник.

Олег сам не знал, что собирается сказать, пока не начал говорить:

– Я предлагаю не заменять старый знак, а дополнить его. Создать рядом с ним информационный стенд с фотографиями настоящего Неудачино, с рассказом о его истории, о меннонитах, о том, что название на самом деле означает «новый дом». Сделать так, чтобы туристы, приезжающие посмеяться над названием, уезжали с пониманием и уважением.

В зале повисла тишина. Затем Ирма медленно начала аплодировать. К ней присоединились другие.

– Это все звучит прекрасно, – прервал аплодисменты чиновник, – но у нас уже утвержденный проект и бюджет. Мы не можем все менять из-за предложения случайного фотографа.

– А если я покажу, как это может выглядеть? – не отступал Олег. – Дайте мне неделю. Я сделаю выставку фотографий прямо здесь, в селе. Если она вам понравится, вы сможете использовать эти материалы для информационного стенда.

Чиновник выглядел озадаченным.

– Я не могу принимать такие решения единолично…

– Тогда пригласите тех, кто может, – вмешался Виктор. – Пусть приедут на выставку, увидят настоящее Неудачино, а не то, что они себе представляют.

По залу прокатился одобрительный гул.

– Хорошо, – неохотно согласился чиновник. – Одна неделя. Но я ничего не обещаю.

Когда собрание закончилось, Олег почувствовал, как на его плечи опустилась тяжесть ответственности. Что, если у него не получится? Что, если его фотографии не смогут передать то, что он увидел в этом месте?

Ирма, словно прочитав его мысли, положила руку ему на плечо.

– Ты уже видишь настоящее Неудачино, – сказала она тихо. – Теперь просто покажи его другим.

Неделя пролетела в лихорадочной работе. Олег снимал с рассвета до заката – старинные дома с немецкой архитектурой, поля пшеницы, колышущиеся на ветру, морщинистые лица старожилов и ясные глаза детей. Вечерами он отбирал лучшие кадры, обрабатывал их и готовил к печати.

Жители села помогали кто чем мог: Виктор возил его на своем тракторе по окрестностям, показывая лучшие виды; Наталья организовала школьников для подготовки помещения под выставку; Петр выделил часть своего склада для создания временной фотолаборатории. Даже старый Генрих, поначалу относившийся к затее скептически, поделился семейными фотографиями, сделанными еще в начале прошлого века.

Лиза стала его неофициальным ассистентом, таскаясь за ним с блокнотом и записывая истории, которые рассказывали люди во время съемок. Ее детский почерк с завитушками над буквами придавал этим историям особое очарование.

– Знаешь, – сказала она однажды, когда они возвращались с очередной съемки, – я раньше стеснялась говорить, откуда я. Дети в лагере всегда смеялись над названием. А теперь мне кажется, что оно классное. Необычное.

Олег улыбнулся, но ничего не ответил. Он и сам начал иначе воспринимать это место.

Выставку решили провести в здании школы – единственном помещении, достаточно просторном для такого мероприятия. Накануне открытия Олег допоздна развешивал фотографии, компонуя их в единое повествование. Центральное место занимал большой снимок дорожного знака «Неудачино», но не привычный туристический ракурс, а вид сквозь колосья пшеницы, с размытым на заднем плане силуэтом Виктора, работающего в поле.

Утром приехала делегация из района – тот же чиновник в костюме и с ним еще несколько официальных лиц. Они с любопытством разглядывали фотографии, переходя от одной к другой.

– Это что, дом-музей Штеффена? – спросил один из них, останавливаясь перед снимком, на котором Ирма показывала детям старинную прялку. – Никогда там не был, хотя живу в соседнем районе.

– А это наша пекарня, – с гордостью сказала Наталья, указывая на фотографию, где пожилая женщина вынимала из печи традиционный меннонитский хлеб. – Там до сих пор пекут по рецептам, которым больше ста лет.

Чиновники переговаривались между собой, и Олег заметил, как меняется выражение их лиц – от формального интереса к искреннему удивлению и даже восхищению.

Последним экспонатом была не фотография, а проект информационного стенда, который Олег сделал вместе с Лизой. На нем была краткая история села, объяснение происхождения названия и несколько фотографий, показывающих жизнь Неудачино в разные эпохи.

– Это могло бы стоять рядом со знаком, – пояснил Олег. – Туристы по-прежнему будут делать свои селфи, но, возможно, некоторые захотят узнать больше и заглянут в село.

Главный чиновник задумчиво потер подбородок.

– Знаете, это действительно интересная идея. И гораздо дешевле, чем полная замена знака. Я думаю, мы можем пересмотреть проект.

После ухода официальных лиц выставку открыли для всех жителей села. Люди приходили семьями, узнавали себя и соседей на фотографиях, смеялись, иногда украдкой вытирали слезы. Олег стоял в стороне, наблюдая за их реакцией.

– Ты сделал что-то важное, – сказала подошедшая Ирма. – Ты показал нам, как нас видят другие. Иногда нужен взгляд со стороны, чтобы увидеть ценность того, к чему привык.

Вечером, когда большинство посетителей разошлись, Олег собирал свое оборудование. Завтра ему предстояло ехать дальше – в его списке было еще много необычных названий.

– Уезжаешь? – спросила Лиза, помогавшая ему упаковывать фотографии.

– Да, пора двигаться дальше.

– А ты вернешься? Когда будут устанавливать новый информационный стенд?

Олег задумался. Обычно он не возвращался в места, где уже побывал. Мир слишком велик, а жизнь слишком коротка.

– Знаешь, – сказал он наконец, – думаю, вернусь. Хочу сделать снимок нового стенда для своей коллекции.

На следующее утро, уезжая из Неудачино, Олег остановился у знаменитого дорожного знака. Туристы, как обычно, толпились вокруг, делая селфи. Он достал фотоаппарат и сделал последний снимок – не самого знака, а людей рядом с ним, их улыбающихся лиц, их мимолетного счастья от встречи с чем-то необычным.

В зеркале заднего вида он видел, как постепенно исчезает указатель с надписью «Неудачино». Но теперь это название значило для него гораздо больше, чем просто забавное слово в коллекции.

Через три месяца выставка «Россия в названиях» открылась в областном центре. На центральной стене висела увеличенная фотография дорожного знака «Неудачино», а рядом с ней – десятки снимков, показывающих настоящую жизнь села. И где-то среди них – маленькая фотография нового информационного стенда, на открытие которого Олег все-таки вернулся.

Справка об объекте

Дорожный знак «Неудачино»,
Россия, Новосибирская область,
Татарский район, д. Неудачино

Любой путешественник не останется равнодушным, чтобы остановиться и сделать селфи с необычным названием населенного пункта.

XII

Циферблаты памяти
Галина Кузнецова

Навигатор в телефоне Лизы сдался на последних километрах пути, и теперь она ехала наугад, щурясь от яркого июльского солнца. Пыльная дорога петляла между полями пшеницы, а указатель на Неудачино так и не появлялся. Лиза нервно постукивала пальцами по рулю, привычка, от которой она безуспешно пыталась избавиться уже несколько лет.

– Неудачино, – пробормотала она, в третий раз проверяя редакционное задание. – Кто вообще называет так село?

Наконец показался потрепанный дорожный знак. Лиза свернула на еще более узкую дорогу и через десять минут въехала в село – несколько улиц с аккуратными домами, многие из которых выглядели непривычно: высокие крыши, ставни на окнах, резные наличники в необычном стиле.

Припарковавшись у небольшого магазина, она достала зеркальце и поправила короткие рыжие волосы, выбившиеся из-под заколки. Тушь немного размазалась от жары, но переделывать макияж было лень.

– Извините, – обратилась она к пожилой женщине, выходившей из магазина. – Где здесь музей Штеффена?

– Прямо и направо, – женщина окинула Лизу оценивающим взглядом. – Белый дом с синими ставнями. Там Марта сегодня.

Дом-музей оказался именно таким, как описала женщина – аккуратный, будто сошедший со страниц сказки. Лиза сделала несколько снимков для статьи и толкнула калитку. Во дворе, среди ухоженных клумб с яркими цветами, стояла женщина лет пятидесяти в длинной юбке и белой блузке с вышивкой. Она поливала цветы из старинной медной лейки.

– Здравствуйте, – Лиза натянула дежурную улыбку. – Я из журнала «Путешествия по России». Мы договаривались о статье.

Женщина повернулась, и Лиза заметила ее необычные глаза – светло-голубые, почти прозрачные, как будто выцветшие на солнце.

– Элизабет? – спросила она с легким акцентом.

– Просто Лиза, – поправила журналистка, протягивая руку.

– Марта, – женщина вытерла ладонь о фартук и пожала руку Лизе. – Ты вовремя. Чай как раз заварился.

– Вообще-то я хотела бы сразу начать, – Лиза достала блокнот. – У меня еще сегодня дорога обратно.

Марта посмотрела на нее с легкой улыбкой, словно видела насквозь.

– Время, – сказала она, – самое ценное, что у нас есть. Но иногда нужно его потратить, чтобы понять его ценность. Идем, я покажу тебе дом человека, который это понимал лучше всех.

Лиза вздохнула, но послушно пошла следом. Еще один провинциальный музей с пыльными экспонатами и скучными историями. Статья на две колонки, не больше. Редактор явно отправил ее сюда в наказание за прошлый конфликт.

Прохлада дома обволокла Лизу, как только она переступила порог. После жаркого дня это было приятно, но что-то еще заставило ее замедлить шаг – звук. Тихий, ритмичный, идущий отовсюду и ниоткуда одновременно.

– Тик-так, тик-так, – Марта улыбнулась, заметив, как Лиза прислушивается. – Сорок семь часов в доме. Абрам Яковлевич говорил, что это сердцебиение дома.

Лиза огляделась. Действительно, часы были повсюду – на стенах, на полках, на столах. Большие и маленькие, деревянные и металлические, с маятниками и без.

– Все работают? – спросила она, доставая фотоаппарат.

– Каждые, – кивнула Марта, ведя гостью через гостиную в небольшую комнату, служившую, видимо, столовой. – Я завожу их каждое утро. Это моя… как это по-русски… медитация?

В центре столовой стоял круглый стол, накрытый вышитой скатертью. На нем – три чайных сервиза, расставленные так, словно вот-вот должно было начаться чаепитие.

– Свадебные подарки, – пояснила Марта, заметив взгляд Лизы. – 1951 год. Абрам и Екатерина поженились.

Лиза сделала несколько снимков, но ее внимание привлекла стеклянная витрина у стены. Под стеклом лежала старая книга в потрепанном кожаном переплете.

– А это что? – она подошла ближе.

– Книга рецептов Елены Тевс, – Марта встала рядом. – Сто пятьдесят лет истории. Все рецепты на немецком.

Лиза наклонилась, рассматривая пожелтевшие страницы. Книга была открыта на рецепте какого-то пирога, аккуратный готический почерк покрывал страницу.

– Вы до сих пор готовите по этим рецептам? – спросила Лиза, больше из вежливости, чем из интереса.

– Ja, natürlich, – кивнула Марта, а затем, заметив непонимание на лице гостьи, перевела: – Да, конечно. Многие хозяйки в деревне до сих пор используют эти рецепты. Особенно на праздники.

Лиза сделала еще один снимок книги.

– А что это за пирог? – она указала на открытую страницу.

– Riwwelkuche, – произнесла Марта с особой интонацией, будто само название было вкусным. – Пирог с крошкой. Очень простой, но каждая семья делает его по-своему.

Она провела пальцем над стеклом, словно касаясь строк рецепта.

– Абрам Яковлевич очень любил этот пирог. Говорил, что вкус детства не меняется, даже когда все вокруг меняется.

Что-то в голосе Марты заставило Лизу посмотреть на нее внимательнее. Хранительница музея говорила о часовом мастере так, будто знала его лично, хотя по возрасту вряд ли могла помнить его молодым.

– Вы давно здесь работаете? – спросила Лиза.

– Десять лет, – ответила Марта. – С самого открытия музея. Но я знала Абрама Яковлевича с детства. Он был… как это сказать… душой нашего села.

Она вдруг встрепенулась, словно вспомнив что-то важное.

– Чай! Я совсем забыла про чай. Пойдем на кухню, я покажу тебе вафельницу, которой больше ста лет. И, может быть, – она хитро улыбнулась, – даже испечем вафли по рецепту из этой самой книги.

Лиза хотела возразить, что у нее мало времени, но неожиданно для себя кивнула. Почему-то мысль о свежеиспеченных вафлях по старинному рецепту показалась ей гораздо интереснее, чем быстрое фотографирование экспонатов.

На кухне пахло травами и свежим хлебом. Старинная чугунная вафельница, похожая на увесистые щипцы с узорными пластинами, лежала на столе рядом с современной электрической плитой – прошлое и настоящее соседствовали здесь так же естественно, как немецкая и русская речь в разговоре Марты.

– Раньше ее ставили прямо на угли, – пояснила хранительница, поглаживая вафельницу. – Но я использую плиту. Старые вещи должны жить, а не просто стоять под стеклом.

Лиза сделала несколько снимков, пока Марта готовила тесто, ловко смешивая ингредиенты в глиняной миске.

– Вы хорошо говорите по-немецки? – спросила Лиза, заметив, как Марта беззвучно шевелит губами, читая рецепт.

– Это мой родной язык, – ответила та, разогревая вафельницу. – В детстве я говорила только на немецком. Русский выучила уже в школе.

Она разлила тесто на горячие пластины, и комнату наполнил аромат ванили и корицы.

– Многие уехали, – продолжила Марта, ловко переворачивая вафельницу. – В девяностые, когда стало можно. Вернулись в Германию, хотя никогда там не были. Heimat, – она произнесла это слово с особой интонацией. – Родина. Сложное понятие для нас.

Лиза кивнула, делая заметки в блокноте. История немцев Поволжья и Сибири вдруг показалась ей гораздо интереснее, чем она ожидала.

– А вы почему остались? – спросила она.

Марта улыбнулась, доставая готовую вафлю – золотистую, с четким узором.

– Попробуй сначала, – она положила вафлю на тарелку и протянула Лизе. – Потом расскажу.

Вафля оказалась хрустящей снаружи и мягкой внутри, с тонким ароматом специй. Лиза не удержалась от одобрительного мычания.

– Вкусно, правда? – Марта довольно кивнула. – Теперь идем дальше. Я покажу тебе самое интересное.

Они прошли через гостиную, где Марта остановилась у большого настенного календаря с пометками на полях.

– Абрам Яковлевич вел ежедневные записи, – сказала она. – Погода, события в селе, рождения, свадьбы, смерти. Все записывал. Говорил, что время утекает сквозь пальцы, если его не поймать на бумаге.

В следующей комнате, служившей спальней, стояла аккуратно застеленная кровать с вышитым покрывалом. Над ней висели семейные фотографии в рамках.

– Здесь все как при жизни хозяев, – пояснила Марта. – Екатерина Штеффен умерла в 2005 году, но Абрам Яковлевич сохранил комнату нетронутой до самой своей смерти.

Лиза сделала еще несколько снимков, чувствуя странную неловкость, будто вторгалась в чужую интимную жизнь.

Последней они посетили мастерскую – небольшую комнату, заставленную инструментами, деталями часов и книгами.

– Его святая святых, – Марта обвела рукой пространство. – Здесь он создавал свои часы. Некоторые из них сейчас в Санкт-Петербурге, в Татарске, даже в Германии.

Лиза подошла к рабочему столу, где лежали аккуратно разложенные инструменты, лупы, шестеренки разных размеров. На стене висели чертежи и эскизы часов с пометками на немецком и русском.

– Он был не просто мастером, – продолжала Марта, бережно касаясь инструментов. – Он был… как это сказать… Zeitbewahrer. Хранитель времени.

Лиза заметила, что все часы в мастерской показывали разное время. Она указала на это Марте.

– Это не поломка, – улыбнулась хранительница. – Это намеренно. Каждые часы показывают особое время.

Она подошла к небольшим настольным часам с деревянным корпусом.

– Эти всегда показывают 5:17 утра. Время, когда родился его первый сын. А те, – она указала на настенные часы с маятником, – всегда 11:45. Время, когда он впервые приехал в Неудачино в 1945 году.

Лиза медленно обошла комнату, разглядывая часы. Каждые хранили свой момент времени, свою историю.

– Но как же они идут, если всегда показывают одно и то же время? – спросила она.

– Они идут, – загадочно ответила Марта. – Просто по-своему. Абрам Яковлевич говорил, что важные моменты времени никуда не исчезают. Они продолжают существовать, если мы их помним.

Лиза сделала еще несколько снимков мастерской, когда заметила в углу комнаты массивный сейф, выглядевший неуместно среди деревянной мебели и старинных инструментов.

– А это что? – спросила она, указывая на металлический ящик.

Марта подошла к сейфу, ее шаги были неожиданно тихими для женщины ее комплекции.

– Самое ценное, – ответила она и, к удивлению Лизы, достала из кармана фартука связку ключей. – То, что Абрам Яковлевич берег больше всего.

Она выбрала один ключ, вставила его в замочную скважину и повернула. Затем набрала комбинацию цифр на механическом замке. Дверца сейфа открылась с тяжелым металлическим скрипом.

Лиза ожидала увидеть драгоценности или деньги, но внутри лежали аккуратно сложенные тетради в потрепанных обложках и несколько толстых папок.

– Его дневники и летописи, – пояснила Марта, бережно доставая одну из тетрадей. – Он вел их с 1970 года, каждый день. Без пропусков.

Она открыла тетрадь на случайной странице. Аккуратный почерк покрывал линованную бумагу. Даты, имена, события – все было записано с педантичной точностью часового мастера.

– Здесь все, – Марта провела пальцем по строчкам. – Рождения, свадьбы, похороны. Кто уехал, кто вернулся. Погода, урожай, цены на рынке. Маленькая история большого мира.

Она перевернула страницу, и из тетради выпала фотография – цветной снимок группы людей возле здания сельсовета.

– Открытие нового здания в 1975 году, – пояснила Марта, поднимая фото. – Здесь Абрам Яковлевич уже известный мастер. Он сделал часы для фасада.

Она вдруг замолчала, глядя на фотографию со странным выражением лица.

– Кто еще на фото? – не удержалась Лиза.

– Мой отец, – тихо ответила Марта. – Он работал с Абрамом Яковлевичем. Помогал устанавливать часы.

Она аккуратно вложила фотографию обратно и достала из сейфа еще одну тетрадь, более новую.

– А это последние записи, – сказала она. – 2010—2011 годы. Перед смертью.

Лиза осторожно взяла тетрадь. Почерк здесь был уже не таким твердым, строчки иногда дрожали, но все так же аккуратно выстраивались в ровные ряды.

– «12 марта 2011 года. Сегодня уехала семья Бергов. Последние из старожилов. Теперь в Неудачино не осталось никого из тех, кто помнит пятидесятые», – прочитала Лиза вслух. – «Время утекает, как песок сквозь пальцы. Но я все еще держу его».

Она перевернула страницу и замерла. На следующем развороте лежал сложенный лист бумаги с печатью и официальными штампами.

– Что это? – спросила она, не решаясь прикоснуться к документу.

Марта осторожно развернула лист.

– Приглашение из Германии, – сказала она. – Программа репатриации. Абрам Яковлевич получил его за месяц до смерти.

Лиза посмотрела на дату в углу документа – февраль 2011 года.

– Он не поехал, – констатировала она.

– Не успел, – поправила Марта. – Или не захотел. Кто знает?

Она бережно сложила документ и вернула его в тетрадь.

– Последняя запись датирована 15 апреля 2011 года, – сказала она. – «Сегодня починил часы для школы. Мои руки уже не те, но время все еще слушается меня. Интересно, что станет со всеми этими часами, когда мое время остановится? Кто будет их заводить?»

Марта закрыла тетрадь и посмотрела на Лизу своими прозрачными глазами.

– Через два дня его не стало, – сказала она. – Сердце остановилось во сне. Говорят, самая легкая смерть.

Она вернула тетрадь в сейф и достала последний предмет – небольшую шкатулку из темного дерева.

– А это, – она открыла крышку, – его последняя работа.

Внутри лежали карманные часы на цепочке. Простые, без излишеств, но с необычным циферблатом – вместо цифр на нем были выгравированы маленькие символы: дом, дерево, книга, ключ.

– Он не успел их закончить, – Марта осторожно достала часы. – Механизм работает, но стрелки не движутся. Застыли на этой отметке.

Стрелки указывали на символы дома и ключа.

– Что они означают? – спросила Лиза, чувствуя, как профессиональное любопытство перерастает во что-то более глубокое.

– Никто не знает, – Марта покачала головой. – Это его тайна. Но я думаю… – она помолчала, подбирая слова, – я думаю, это его послание нам. Дом и ключ. Может быть, о том, что настоящий дом – это не место, а люди, которые хранят ключи от твоей памяти.

Она аккуратно положила часы обратно в шкатулку.

– Или, может быть, просто сломанные часы старого мастера, – добавила она с легкой улыбкой. – Кто знает?

Вечерело, когда Лиза вышла из музея. Солнце опускалось за горизонт, окрашивая небо над Неудачино в оранжево-розовые тона. Она стояла на крыльце, просматривая сделанные снимки на экране камеры, и не сразу заметила, что Марта вынесла ей чашку чая.

– Еще немного времени? – спросила хранительница, протягивая дымящуюся чашку.

Лиза взглянула на часы – до заката оставалось около часа, а дорога в город занимала не меньше двух. Она собиралась вернуться засветло, но что-то удерживало ее здесь, в этом странном селе с неудачным названием и удивительной историей.

– Спасибо, – она приняла чашку и села на скамейку у крыльца.

Марта устроилась рядом, ее руки, привыкшие к ежедневному заводу десятков часов, теперь спокойно лежали на коленях.

– Знаешь, – сказала Лиза после паузы, – я думала, что это будет обычная статья. Две колонки текста, пара фотографий. «Сельский музей хранит память о местном умельце». Что-то в таком духе.

Марта улыбнулась, но ничего не ответила.

– Но теперь… – Лиза сделала глоток чая, подбирая слова. – Теперь я думаю, что здесь история глубже.

– Все истории глубже, чем кажутся на первый взгляд, – ответила Марта. – Нужно только время, чтобы это понять.

Лиза кивнула, глядя на закатное солнце. Странное чувство охватило ее – будто она стоит на пересечении времен, где прошлое и настоящее соприкасаются, как стрелки часов в полдень.

– Я напишу о часах, – сказала она. – О том, как они все показывают разное время, но вместе создают… – она запнулась, не находя нужного слова.

– Целостность, – подсказала Марта. – Vollständigkeit.

– Да, именно, – согласилась Лиза. – И о книге рецептов. О том, как традиции продолжают жить через простые вещи – еду, предметы быта, часы.

Она достала блокнот и сделала несколько заметок, боясь упустить мысль.

– Знаешь, что меня удивило больше всего? – спросила она, не поднимая глаз от блокнота. – Что он остался. Не уехал в Германию, хотя мог. Остался здесь, в Неудачино.

Марта посмотрела вдаль, туда, где за домами виднелись поля пшеницы, золотящиеся в лучах заходящего солнца.

– Heimat, – произнесла она тихо. – Родина. Для Абрама Яковлевича это было здесь. Не там, где его предки жили столетия назад, а там, где он сам прожил свою жизнь. Где каждый дом, каждое дерево, каждый человек были частью его истории.

Она повернулась к Лизе.

– Многие уехали, думая, что найдут дом там. Но дом – это не место. Это время, которое ты прожил, люди, которых ты любил, вещи, которые ты создал своими руками.

Лиза закрыла блокнот и убрала его в сумку. Она допила чай и поставила чашку на скамейку.

– Мне пора, – сказала она, поднимаясь. – Спасибо за экскурсию. И за чай.

Марта кивнула.

– Приезжай еще, – сказала она. – Может быть, в следующий раз я покажу тебе, как делать Riwwelkuche.

Лиза улыбнулась и пошла к машине. Уже открыв дверцу, она обернулась.

– Марта, – позвала она. – А вы… вы тоже могли уехать?

Хранительница музея стояла на крыльце, окруженная золотистым светом заката, похожая на фигуру со старой фотографии.

– Ja, – ответила она. – Могла. Но кто бы тогда заводил часы?

Лиза кивнула, понимая, что за этими простыми словами скрывается гораздо больше, чем кажется.

Дорога обратно в город заняла больше времени, чем она планировала. Когда Лиза въехала в Татарск, уже стемнело. Она остановилась у гостиницы и, прежде чем выйти из машины, открыла ноутбук и создала новый документ.

«Циферблаты памяти» – напечатала она в строке заголовка. Затем помедлила и добавила подзаголовок: «История одного неудачного названия и удачной жизни».

Пальцы забегали по клавиатуре, слова складывались в предложения, предложения – в абзацы. История Абрама Штеффена, его часов, его села и его выбора оживала на экране.

Где-то в Неудачино, в доме с синими ставнями, Марта заводила сорок семь часов, каждые из которых показывали свое особое время. И все они шли вперед, сохраняя память о прошлом.

Справка об объекте

Дом-музей им. А. Я. Штеффена,
Россия, Новосибирская область,
Татарский район, д. Неудачино,
ул. Центральная, 51

Дом-музей А. Я. Штеффена (1924—2011) открылся в селе в 2014 году.

Почетный гражданин Татарского района, часовых дел мастер, изобретатель и умелец на все руки, Абрам Яковлевич Штеффен мог устранить любую поломку техники, а созданные им часы украшают здания в Санкт-Петербурге, Татарске, Неудачино. Кроме того, он был историком и летописцем родного села, основанного немецкими переселенцами в 1905 году, – вел ежедневную хронику, записывал воспоминания очевидцев.

В доме-музее хранятся коллекция часов и музыкальных инструментов, представлено огромное количество документов, раскрывающих историю Неудачина. Это дневниковые

записи Абрама Яковлевича, его фотографии, запечатлевшие важные события сельской жизни, вещи первых жителей села, например, Библии немецких переселенцев, их родословные. Все это наследие сегодня активно изучают местные школьники.

Источник: https://museum.rusdeutsch.ru/Museen/83

Мелодия возвращения
Елена Николаева

Анна поправила очки на переносице – привычка, появившаяся еще в студенческие годы – и сверилась с навигатором. До Неудачино оставалось километров двадцать, но дорога становилась все хуже. Арендованная «Лада» подпрыгивала на ухабах, а чемодан на заднем сиденье угрожающе сдвигался при каждом резком повороте.

– Ach du lieber, – пробормотала она, когда колесо угодило в особенно глубокую яму. Немецкие восклицания всегда вырывались у нее в моменты стресса, хотя русский она помнила прекрасно.

Анна приоткрыла окно. Июльский воздух, напоенный запахом полыни и нагретой солнцем пыли, ворвался в салон. Этот запах пробудил что-то глубоко в памяти – смутное, почти забытое ощущение из детства, когда они еще жили здесь, в Сибири, до переезда в Германию.

На пассажирском сиденье лежала потертая папка с документами и фотографиями. Анна бросила на нее быстрый взгляд. Старые черно-белые снимки, письма на готическом шрифте, вырезки из газет – все, что удалось собрать о семейной реликвии, фисгармонии, которую прадед Генрих Панкрац привез с Украины в начале прошлого века.

Бабушка часто рассказывала о ней – огромном деревянном ящике с клавишами и педалями, который издавал звуки, похожие на церковный орган. На нем играли по воскресеньям и в праздники, когда вся семья собиралась вместе. Но в девяностые, когда они уезжали в Германию, фисгармонию пришлось оставить – слишком громоздкая, слишком тяжелая для дальней дороги.

– Кто-нибудь купит, – сказал тогда отец. – Или заберет себе. Главное, что мы увозим память о ней.

Но память оказалась недостаточной. Бабушка до самой смерти вспоминала об инструменте с тоской. А когда она умерла три месяца назад, Анна нашла среди ее вещей конверт с надписью «Фисгармония». Внутри лежали фотографии и записка: «Может быть, она еще там. Может быть, кто-то сохранил ее».

И вот теперь Анна, успешный архитектор из Мюнхена, тридцати двух лет от роду, ехала по разбитой сибирской дороге в село с нелепым названием Неудачино, чтобы найти старый музыкальный инструмент, который, скорее всего, давно сгнил на чьем-нибудь чердаке.

– Verrückt, – покачала она головой. – Совершенно безумно.

Впереди показались первые дома Неудачино. Анна сбросила скорость и вгляделась в указатель. Она не была здесь больше двадцати лет, но странное чувство узнавания охватило ее, будто она никуда и не уезжала.

Музей Штеффена оказался аккуратным белым домом с синими ставнями на окнах. Анна припарковалась рядом и несколько минут сидела в машине, собираясь с мыслями. Наконец, взяв папку с документами, она вышла и направилась к крыльцу.

Дверь открылась, когда она поднималась по ступенькам. На пороге стояла пожилая женщина в длинной юбке и светлой блузке с вышивкой по вороту – типичная одежда немецких женщин старшего поколения, которую Анна помнила с детства.

– Здравствуйте, – сказала Анна по-русски, чувствуя, как язык, которым она не пользовалась годами, вдруг становится родным. – Музей открыт?

Женщина окинула ее внимательным взглядом.

– Для посетителей с трех часов, – ответила она, а затем неожиданно добавила: – Но для Панкрац всегда открыто.

Анна удивленно моргнула.

– Откуда вы знаете мою фамилию?

Женщина улыбнулась, открывая дверь шире.

– У тебя глаза Генриха. Такие же голубые, как васильки. И прищуриваешься точно так же, когда удивляешься. Я Ирма Вебер, была знакома с твоей бабушкой Эльзой.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она совсем не ожидала встретить кого-то, кто знал ее семью.

– Заходи, – Ирма отступила в сторону. – Чай будешь? Или кофе? Вы там в Германии, наверное, больше кофе пьете?

– Чай, пожалуйста, – автоматически ответила Анна, входя в дом.

Внутри пахло деревом, воском и еще чем-то неуловимым, что сразу напомнило ей дом бабушки. Ирма провела ее через небольшую прихожую в гостиную, где стояли старинные деревянные стулья вокруг круглого стола, накрытого вышитой скатертью.

– Присаживайся, – сказала хозяйка. – Я сейчас вернусь.

Оставшись одна, Анна огляделась. Комната была обставлена с той особой аккуратностью, которая отличала дома немецких переселенцев – все на своих местах, ни пылинки, на стенах – фотографии в рамках и вышитые картины. Но ее внимание привлекла дверь в соседнюю комнату, приоткрытая ровно настолько, чтобы можно было увидеть что-то большое и темное у дальней стены.

Анна встала и, повинуясь внезапному импульсу, подошла к двери. Заглянув внутрь, она замерла. В комнате, освещенной мягким светом из окна с кружевными занавесками, стояла фисгармония – массивный деревянный инструмент с потемневшими от времени клавишами и педалями внизу.

– Это она, – прошептала Анна, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. – Не может быть.

– Может, – раздался голос Ирмы за ее спиной. – Фисгармония Панкрац. Одна из главных ценностей нашего музея.

Анна обернулась. Ирма стояла с подносом, на котором дымились две чашки чая.

– Но как? – только и смогла выговорить Анна. – Как она здесь оказалась?

– Абрам Яковлевич Штеффен спас ее, – ответила Ирма, кивая на инструмент. – Пойдем, я расскажу тебе эту историю. Думаю, она тебе понравится.

Они сидели за столом, и Ирма, отпивая чай маленькими глотками, рассказывала историю фисгармонии. Анна слушала, не отрывая взгляда от лица пожилой женщины, на котором каждая морщинка, казалось, хранила свою часть повествования.

– Когда ваша семья уехала, дом долго стоял пустой, – говорила Ирма. – Потом его купили приезжие, но им фисгармония была не нужна. Хотели выбросить, представляешь? Такую красоту – на свалку.

Анна поморщилась, представив массивный инструмент среди мусора.

– Но Абрам Яковлевич не позволил, – продолжала Ирма. – Он тогда уже был известен как мастер, который может починить все, от часов до тракторов. Забрал фисгармонию себе, хотя она была в ужасном состоянии – клавиши западали, мехи порваны, дерево рассохлось.

– И он ее восстановил? – спросила Анна.

– Не сразу, – Ирма покачала головой. – Сначала просто хранил. А потом, в начале восьмидесятых, начал реставрацию. Я помню, как он ходил по селу, расспрашивал старожилов о фисгармонии Панкрац. Все записывал в свои тетради – кто на ней играл, какие мелодии звучали, какие истории с ней связаны.

Анна достала из папки старую фотографию и положила на стол.

– Вот она, – сказала она тихо. – Прадед Генрих сидит за ней. Рождество 1937 года.

Ирма бережно взяла снимок.

– Да, это она, – кивнула женщина. – Знаешь, Абрам Яковлевич говорил, что вещи хранят память о людях, которые ими пользовались. Особенно музыкальные инструменты. Они как будто впитывают мелодии и потом отдают их тем, кто умеет слушать.

Анна улыбнулась. Эта мысль была созвучна тому, о чем часто говорила бабушка.

– Можно посмотреть на нее поближе? – спросила она.

– Конечно, – Ирма встала. – Пойдем.

В комнате с фисгармонией было прохладно и тихо. Анна подошла к инструменту и осторожно провела пальцами по полированному дереву. На боковой панели она заметила вырезанные инициалы – Г. П. – Генрих Панкрац.

– Он сам это сделал, – прошептала она. – Бабушка рассказывала.

– А вот здесь, – Ирма указала на небольшую металлическую табличку на передней панели, – клеймо мастерской Циммермана. 1867 год. Настоящая немецкая работа.

Анна наклонилась, чтобы лучше рассмотреть табличку, и заметила на полке рядом с фисгармонией несколько тетрадей в потертых обложках.

– Это дневники Абрама Яковлевича, – пояснила Ирма, проследив за ее взглядом. – Он записывал все, что узнавал о фисгармонии, и весь процесс реставрации. Хочешь почитать?

Анна кивнула, и Ирма достала одну из тетрадей.

– Вот, – она открыла ее на странице с датой 15 марта 1982 года. – Здесь он пишет о вашей семье.

Анна начала читать аккуратные строчки, выведенные твердой рукой: «Сегодня говорил с Кларой Тевс. Она помнит, как Генрих Панкрац играл на фисгармонии на Рождество. Особенно хорошо у него получался хорал „Stille Nacht“. Клара говорит, что когда он играл, даже самые непоседливые дети замирали и слушали…»

– Я могу это забрать? – спросила Анна, поднимая глаза от тетради. – Эти записи, они ведь о моей семье.

Ирма покачала головой.

– Это часть музея, – сказала она мягко, но твердо. – Но ты можешь приходить и читать, сколько захочешь. И можешь сделать копии, если нужно.

Анна хотела возразить, но что-то в глазах Ирмы остановило ее. Эта женщина охраняла не просто вещи, а память – общую память села, частью которого когда-то была и семья Панкрац.

– Хорошо, – согласилась Анна. – Я бы хотела сделать копии. И… можно ли услышать, как она звучит? Фисгармония.

Ирма улыбнулась.

– К сожалению, я не умею играть. Но завтра приезжает Виктор Франц из Татарска. Он музыкант, иногда дает здесь небольшие концерты на старинных инструментах. Если ты останешься до завтра, сможешь услышать фисгармонию.

Анна задумалась. Она планировала пробыть в Неудачино всего один день, но перспектива услышать звук инструмента, о котором столько рассказывала бабушка, была слишком заманчивой.

– Я останусь, – решила она. – Где здесь можно переночевать?

– У меня, – просто ответила Ирма. – Комната наверху свободна. И мне будет приятно поговорить с внучкой Эльзы Панкрац.

Виктор Франц оказался сухощавым мужчиной лет шестидесяти с аккуратно подстриженной седой бородкой и цепким взглядом. Он приехал в музей ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая комнату с фисгармонией в теплые золотистые тона.

– Так вы из семьи Панкрац? – спросил он, пожимая руку Анне. Его пальцы были сухими и сильными – руки музыканта. – Интересно, интересно. Я много слышал об этой фисгармонии.

Анна провела день, изучая дневники Штеффена и разговаривая с пожилыми жителями села, которых Ирма пригласила в музей. Каждый из них делился воспоминаниями о фисгармонии и семье Панкрац, и постепенно перед Анной вырисовывалась картина жизни, которую она знала только по рассказам бабушки.

– Готовы услышать голос вашего прошлого? – спросил Виктор, снимая пиджак и аккуратно вешая его на спинку стула.

Анна кивнула, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. В комнате собралось несколько человек – Ирма, две пожилые женщины из села и местный учитель истории, который, узнав о приезде потомка Панкрац, пришел познакомиться.

Виктор сел за фисгармонию, расправил плечи и на мгновение замер, положив руки на клавиши. Затем его ноги нажали на педали, приводя в движение мехи, и комнату наполнил глубокий, вибрирующий звук.

Первые ноты были неспешными, словно инструмент пробуждался от долгого сна. Затем мелодия стала более отчетливой – это был старинный немецкий хорал, который Анна смутно помнила из детства. Звук фисгармонии не был похож ни на что, что она слышала раньше – не орган, не фортепиано, а что-то среднее, с особым тембром, который, казалось, проникал прямо в душу.

Анна закрыла глаза, позволяя музыке окутать себя. Внезапно она почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Образы из прошлого, которого она даже не знала, но которое каким-то образом жило в ней, нахлынули с неожиданной силой – прадед Генрих за этой самой фисгармонией, семья, собравшаяся вокруг в рождественский вечер, песни на немецком языке, который здесь, в далекой Сибири, был родным для целого поселения людей.

Когда Виктор перешел к «Stille Nacht», Анна услышала, как тихо подпевают пожилые женщины – на немецком, с тем особым акцентом, который отличал речь российских немцев. Она и сама знала эту песню, бабушка часто напевала ее, но сейчас, в звучании фисгармонии, она обретала новый смысл.

Мелодия закончилась, но Виктор не отнимал рук от клавиш, словно давая последним нотам раствориться в воздухе. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только тиканьем старых часов на стене.

– Это было… – начала Анна и замолчала, не находя слов.

– Голос прошлого, – кивнул Виктор. – Эта фисгармония многое помнит.

Он встал и подошел к Анне.

– Знаете, – сказал он тихо, – я играл на многих инструментах, но в этой фисгармонии есть что-то особенное. Может быть, дело в мастерстве Циммермана, а может, в том, через что она прошла – долгий путь с Украины в Сибирь, годы забвения, а потом возрождение благодаря Штеффену. Но когда я играю на ней, иногда кажется, что не я извлекаю звуки, а она сама решает, что хочет сказать.

Анна посмотрела на инструмент, который в сумерках казался еще более внушительным и таинственным.

– Я понимаю, о чем вы, – сказала она. – Когда звучала музыка, я как будто увидела людей, которых никогда не знала. Своих предков.

Виктор улыбнулся.

– Хотите попробовать? – неожиданно предложил он. – Просто нажмите на клавиши, почувствуйте.

Анна нерешительно подошла к фисгармонии и села на круглый табурет. Осторожно, почти с благоговением, она коснулась клавиш. Без движения мехов звука не было, но само прикосновение к пожелтевшей кости клавиш, к которым когда-то прикасались руки ее прадеда, создавало странное ощущение связи через время.

– Нажмите на педаль, – подсказал Виктор. – Вот так.

Анна послушалась, и когда она нажала на клавишу, фисгармония отозвалась низким, протяжным звуком, который, казалось, шел из самой глубины инструмента. Это была всего одна нота, но в ней Анна услышала голос своей семьи, своего прошлого, своих корней.

И в этот момент она поняла, что нашла гораздо больше, чем просто старинный музыкальный инструмент.

Утро последнего дня в Неудачино выдалось ясным и тихим. Анна сидела на крыльце дома Ирмы, потягивая чай из большой фарфоровой кружки и наблюдая, как первые лучи солнца золотят крыши домов. Через час ей нужно было выезжать, чтобы успеть на самолет в Новосибирске, но что-то удерживало ее на месте, словно невидимые нити связывали с этим селом, с этими людьми, с фисгармонией в музее.

Скрипнула дверь, и на крыльцо вышла Ирма, кутаясь в шерстяную шаль, несмотря на теплое утро.

– Не спится? – спросила она, присаживаясь рядом с Анной.

– Думаю, – ответила Анна. – Обо всем этом. О фисгармонии, о прадеде, о том, что я узнала здесь.

Ирма кивнула, словно понимая без слов.

– Знаешь, – сказала Анна после паузы, – я ведь приехала сюда, чтобы забрать фисгармонию. Если бы нашла ее, конечно. Думала, что это будет правильно – вернуть семейную реликвию.

– А теперь? – Ирма посмотрела на нее своими выцветшими голубыми глазами.

– Теперь я понимаю, что она на своем месте, – Анна сделала глоток чая. – Здесь ее могут увидеть и услышать другие люди. Потомки тех, кто жил рядом с моей семьей. Она часть не только нашей истории, но и истории всего села.

Ирма улыбнулась и легко коснулась руки Анны.

– Абрам Яковлевич говорил, что некоторые вещи принадлежат не людям, а местам, – сказала она. – Они как якоря, которые держат память на месте, не дают ей раствориться.

Анна кивнула. Вчера вечером, после импровизированного концерта, она долго сидела в комнате с фисгармонией, перебирая фотографии, которые привезла с собой, и сравнивая их с тем, что увидела здесь. Она сделала десятки снимков инструмента со всех ракурсов, записала на диктофон его звучание, скопировала страницы из дневников Штеффена. Все это она увезет с собой в Германию, чтобы поделиться с отцом и другими родственниками.

– У меня есть кое-что для музея, – сказала Анна, доставая из сумки, стоявшей рядом, папку с документами. – Фотографии, письма, все, что у нас осталось о фисгармонии. Думаю, они должны быть там же, где и она сама.

Ирма приняла папку с той же бережностью, с какой обращалась со всеми экспонатами музея.

– Спасибо, – просто сказала она. – Это ценный дар.

Они допили чай в молчании, наблюдая, как село постепенно просыпается – где-то залаяла собака, проехал трактор, из трубы соседнего дома потянулся дымок.

– Пора собираться, – наконец сказала Анна, вставая. – Самолет не будет ждать.

Через полчаса, уже сидя в машине с заведенным двигателем, она в последний раз взглянула на дом с синими ставнями. Ирма стояла на крыльце, маленькая фигурка на фоне белой стены.

– Я вернусь, – сказала Анна, опуская стекло. – Может быть, в следующем году. Привезу отца, ему тоже нужно это увидеть.

– Будем ждать, – кивнула Ирма. – Heimat всегда ждет своих детей.

Анна улыбнулась, услышав немецкое слово «родина». В устах Ирмы оно звучало особенно значимо – женщина, которая осталась здесь, когда многие уехали, которая хранила память не только о своей семье, но и о всех, кто когда-то составлял общину.

Дорога обратно казалась короче. Анна включила запись, сделанную вчера, – звуки фисгармонии наполнили салон машины, перекрывая шум двигателя и шуршание шин по гравию. «Stille Nacht» – мелодия, которую так любил ее прадед, которую помнила ее бабушка, которую теперь узнала и она сама.

Когда Неудачино скрылось за поворотом, Анна не почувствовала грусти. Она увозила с собой больше, чем привезла – не фисгармонию, но ее голос, не прошлое, но связь с ним, живую и осязаемую.

В аэропорту Новосибирска, ожидая посадки на рейс до Мюнхена, она открыла ноутбук и начала писать письмо отцу: «Папа, я нашла нашу фисгармонию. И не только ее – я нашла часть нас самих, которую мы оставили здесь двадцать лет назад. Она ждала все это время…»

Самолет взлетел, унося Анну обратно в Германию, но часть ее сердца осталась в маленьком сибирском селе с нелепым названием Неудачино, где старинная фисгармония продолжала хранить мелодии прошлого для тех, кто умел слушать.

Справка об объекте

Старинная фисгармония
(хранится в доме-музее им. А. Я. Штеффена),
Россия, Новосибирская область,
Татарский район, д. Неудачино,
ул. Центральная, 51

Фисгармония была изготовлена фирмой Генриха Циммермана в 1867 году. Ранее она принадлежала семье Панкрац и была привезена с Украины. Старый инструмент пережил много невзгод и нуждался в настройке и реставрации, но благодаря упорному труду и мастерству Абрама Яковлевича он был восстановлен и снова зазвучал. Звучит он и по сей день.

Источник: https://nornd.ru/yarkaya-istoriya-derevni-neudachino/

Библия, что сшила время
Дарья Назарова

Июльский зной окутал деревню Неудачино, когда пятнадцатилетняя Анна переступила порог бабушкиного дома. Родители затеяли капитальный ремонт квартиры и отправили дочь к бабушке – подальше от пыли, грохота и суеты.

Анна швырнула рюкзак на скрипучую кровать. «Три месяца в этой дыре? – мысленно кричала она, глядя в запыленное окно. – Ни метро, ни кафе, даже толком интернета нет!»

Чтобы убить время, она решила исследовать чердак бабушкиного дома. Поднявшись по стертым ступеням, Анна пробиралась между старыми велосипедами и коробками, пока в дальнем углу не заметила его – массивный сундук. Серебристая паутина окутывала его, словно защитный кокон, превращая в единое целое с чердаком, хранившим десятилетия тишины.

Сдув пыль, Анна с трудом подняла тяжелую крышку. Петли протяжно заскрипели. Внутри, под слоем пожелтевших тканей, лежала книга – тяжелая, с потрескавшейся кожей и металлическими застежками, похожими на лапы зверя. «Биб-ли-я, – растянула Анна, листая страницы. – Ну конечно, куда же без этого». Но что-то заставило ее задержаться. На полях, между готических строк, теснились записи:

«1928. Родилась Марта. Мать пела ей платские колыбельные, пока волки выли за окном».

«1937. Забрали соседского мальчонку. Верните сына матери».

«2002. Умер отец Анатолий. Теперь его смех живет в шуме мельницы».

Сердце екнуло. Анна слетела вниз, перепрыгивая через ступеньки, сжимая книгу в руках.

– Бабушка! – выдохнула она, замерев в дверном проеме кухни. – Это… это про нас?

Марта медленно обернулась от стола, где месила тесто. Мука белела на ее морщинистых руках. В глазах блеснуло что-то глубокое – будто она ждала этого вопроса целую вечность.

– Садись, внучка, – голос бабушки стал тихим, но твердым. – Эту книгу не просто читают – ее слушают.

Анна опустилась на табурет. Ветер за окном внезапно стих, словно природа затаила дыхание, готовясь к рассказу.

Давным-давно, когда сибирская земля еще укрывалась шубой нетронутых лесов, а ветра пели песни древнее человеческих голосов, пришли в эти края меннониты. Долгим был их путь – через войны, голод и реки, плачущие ледяными слезами. Несли они с собой лишь зерна пшеницы да Библию в потертом кожаном переплете, страницы которой хранили вековую мудрость их народа.

– Напишем новую историю, – сказал старейшина Якоб, глядя на бескрайнюю тайгу, – где будет только мир да любовь.

Но Сибирь встретила пришельцев сурово: метели выли голодными волками, а земля прятала плодородие под вечной мерзлотой.

Однажды ночью, когда селение дрожало под натиском вьюги, Якоб вышел в лес молиться. «Господи, дай нам знак, как выжить здесь!» – взмолился он, опускаясь на колени в снег. В ответ ветер донес шепот: «Ищи сердце земли». Старец пошел на голос, проваливаясь в сугробы, пока не увидел дуб – древний, с корнями, похожими на сплетенные руки. Под ним он положил свою библию, прося благословения для новой жизни. Когда же он вновь взял книгу в руки, та преобразилась: страницы сияли серебром, а переплет оплетали тонкие, словно живые корни.

– Это дар! – воскликнул Якоб. – Земля приняла нашу веру!

С тех пор Библия стала не просто книгой священных текстов.

Она росла, как дерево: на полях сами проступали записи о рождениях, свадьбах и утратах. Чернила имели цвет сосновой смолы, а буквы казались вырезанными ветвями.

Она защищала: когда в 1905 году казаки пришли жечь село, Библия раскрылась на словах «Не убий». Огонь потух, а нападавшие, говорят, услышали в ветре плач своих матерей и ушли.

Она же и лечила: в голодную зиму 1933 года, когда дети умирали от лихорадки, страницы книги источали мед. Смазав им губы, больные вставали на ноги.

Но главное чудо случилось в 1941-м. Когда фашисты потребовали выдать мужчин, женщины положили Библию на порог. Немецкий офицер, прочитав строку «Блаженны миротворцы», приказал отступить. А ночью селяне нашли у мельницы мешки с зерном – оставленные «за молчание книги».

Говорят, сама природа берегла Библию: река Обь разливалась, смывая следы солдат; сосны смыкали ветви над домом Якоба, скрывая его от бомб; волки сторожили село по ночам, а утром таяли в тумане.

Но сила книги жила, лишь пока жива была вера. Спустя время, когда молодежь стала роптать: «Зачем нам эти сказки?», Библия потускнела. Страницы покрылись плесенью, а чернила стерлись. Лишь когда внук Якоба, маленький Петер, нашел ее в заброшенной часовне и прочел вслух: «Любовь сильнее страха» – книга ожила. Тогда старейшины собрали общину и сказали:

– Пусть каждая семья ведет свою летопись, как ведет ее сама земля.

С тех пор в каждом доме завели Библию, записывая роды, свадьбы, смерти и даже урожаи. А если в семье случалась беда, страницы раскрывались на нужной строке – и там находили совет, будто сама природа шептала ответ.

Ту самую первую Библию с тех пор хранят в дубовом ковчеге, а раз в год, в ночь летнего солнцестояния, выносят к реке. Говорят, тогда корни книги пьют воду, а звезды диктуют ей новые строки. И по сей день в Неудачино верят: пока эти летописи живы, село не умрет. Если приложить ухо к страницам, услышишь шум лесов 1900-х, смех давно ушедших детей и шепот корней того самого дуба: «Помни… А записав – сохранишь».

И ныне, когда рождается ребенок, первое, что делает отец – вписывает его имя в семейную Библию. И когда умирает старик, последнее, что он видит – строку о себе, где уже цветет засушенный василек. Так и живут меннониты: их истории сплетены с землей, их память крепче корней, а вера глубже сибирских рек…

Остаток дня девочка провела в молчаливой задумчивости. Время от времени она открывала Библию, осторожно касаясь пальцами потемневших от времени страниц.

Ночью Анне приснилось, будто она идет по бескрайнему полю, держа в руках раскрытую Библию. Вокруг мелькали тени прошлого: женщина в домотканом платке пекла хлеб в земляной печи, мужчины, закатав рукава, возводили мельницу, дети с радостным смехом бегали с букетами васильков. У колодца стоял Якоб Панкрац – высокий, прямой, с седой бородой, падающей на грудь.

– Пиши, – сказал он, протягивая ей гусиное перо. – Каждое слово – нить, что связывает нас.

Анна коснулась страницы, и чернила ожили, растеклись по бумаге, превратившись в реку. Она текла через десятилетия, огибая войны и потери, но неся в себе неиссякаемую жизнь.

Утром девушка будто прозрела. «Страж времени» – старинные часы, которые она еще вчера презрительно называла «куском железа», теперь казались ей молчаливым хранителем. Каждая трещина на циферблате рассказывала свою историю.

У мельницы Панкраца, окутанной теперь пышным буйством луговых васильков, Анна прикоснулась к шершавой древесине. «Якоб построил ее за два года, – вспомнила она бабуш-

кины слова. – Бревна для стен выбирал так тщательно, будто женихов для дочери». Теперь ей чудилось, что в скрипе балок действительно звучит его смех.

А Беседка дружбы… Теперь ее потускневшие гирлянды напоминали звездный дождь, застывший во времени. Анна нашла под деревянным сиденьем вырезанные имена: «Лиза + Фридрих, 1957» и «Саша + Катя, 2005». «Любовь сквозь годы, – подумала она. – Как корни того дуба».

К концу лета, перед отъездом, Анна положила в Библию засушенный василек – тот самый, что сорвала у мельницы. Бабушка, увидев это, молча кивнула: теперь их род продолжит летопись.

…Через пятнадцать лет Анна вернулась в Неудачино с мужем и дочкой. В доме, где когда-то кряхтели половицы, теперь пахло свежей краской и лавандой. В центре гостиной, под стеклянным колпаком, хранилась их семейная Библия. Семилетняя Лиза прижалась лицом к витрине, оставляя на стекле отпечатки любопытных пальцев:

– Мам, а это правда наш прадед писал тут? – спросила Лиза.

– Да. И мы тоже будем.

Анна бережно сняла колпак и открыла Библию на чистой странице. Чернила в хрустальной чернильнице, казалось, ждали этого момента – они замерцали, как звезды в ночи. «2038. Вернулись домой», – вывела она твердой рукой, а рядом аккуратно положила василек, подаренный Лизой. Цветок, сорванный у подножия мельницы, все еще пах солнцем.

Вечером они сидели в Беседке дружбы. Новые крылья мельницы, вырезанные по старым эскизам, бросали на поле тонкие узоры, словно кружево из прошлого. «Страж времени» пробил восемь раз, и каждый удар отзывался эхом в груди.

«Эта книга – не прошлое. Это мост», – вспомнила Анна слова Якоба из давнего сна. Она обняла дочь, и ветер донес до них запах дуба – терпкий, как страницы Библии, и сладкий, как бабушкин пирог.

Где-то в корнях, знала она, уже зрели новые строки. Для Лизы. Для тех, кто приедет завтра. Для всех, кто однажды поймет, что история – это не пыль, а семя. «Такое могло произойти только здесь! – подумала Анна. – Где часы бьют в такт сердцам предков, мельница растит крылья вместо жерновов, а Беседка дружбы хранит признания влюбленных всех эпох».

Она прикрыла глаза. И услышала, как корни дуба шепчут страницам Библии: «Пиши. Мы поможем».

Справка об объекте

Библия с готическим шрифтом
(хранится в доме-музее им. А. Я. Штеффена),
Россия, Новосибирская область,
Татарский район, д. Неудачино,
ул. Центральная, 51

В книжном шкафу музея множество книг, в том числе духовных, книг-песенников 1903—1907 годов на немецком языке, а также Библии, набранные готическим шрифтом. На первых листах таких Библий немцы-меннониты писали даты рождения, крещения, свадьбы и смерти членов семьи. Благодаря этому сегодня можно составить родословные некоторых семей.

Источник: https://nornd.ru/yarkaya-istoriya-derevni-neudachino/

Свет над Неудачино
Николай Клименко

Денис захлопнул ноутбук и раздраженно выдохнул. Интернет в Неудачино работал с такими перебоями, что даже простое видео грузилось вечность. Он потер глаза под съехавшими на кончик носа очками и взглянул на часы – почти полночь, а задание по истории так и не сделано.

– Опять не спишь? – дед появился в дверях, держа в руках кружку с чаем. Его седые волосы торчали во все стороны, а на потертом свитере виднелись свежие пятна от машинного масла.

– Задание делаю, – буркнул Денис, хотя на экране до этого была открыта игра.

Дед хмыкнул и присел на край кровати:

– Что за задание такое, что до полуночи сидишь?

– Проект по краеведению, – Денис поморщился, словно от зубной боли. – Нужно что-то интересное про нашу деревню. Как будто тут есть что-то интересное.

– А ты знаешь, что в нашей деревне электричество появилось раньше, чем в районном центре? – дед прищурился, и морщинки вокруг его глаз сложились в знакомый узор.

Денис закатил глаза. Он знал, что сейчас последует одна из бесконечных историй о «великом прошлом» Неудачино, которые дед мог рассказывать часами.

– Да-да, и первый трактор тоже был у нас, и первый телевизор, – он демонстративно зевнул.

– Не веришь – твое дело, – дед пожал плечами и отхлебнул чай. – А вот Штеффены в начале прошлого века сами себе электростанцию построили. Деревянную башню с динамомашиной. Весь хутор ходил смотреть на лампочку в их доме.

– Ага, и лампочка была из тыквы, а провода из соломы, – Денис фыркнул, но дед не обиделся, только загадочно улыбнулся.

– В музее Штеффена макет этой башни стоит. Сам Абрам Яковлевич сделал. Сходил бы, посмотрел – глядишь, и проект твой готов.

Денис хотел отмахнуться, но вдруг понял, что других идей у него все равно нет. К тому же учительница истории, Вера Сергеевна, обожала все, что связано со Штеффеном – создателем знаменитых башенных часов.

– Ладно, может и схожу, – неохотно согласился он, возвращаясь к ноутбуку.

Дед ушел, а Денис еще долго сидел, уставившись в погасший экран. Электробашня в начале двадцатого века? В глухой сибирской деревне? Звучало как сказка. Но что, если в этой сказке есть доля правды?

Утром, собираясь в школу, он машинально сунул в рюкзак маленькую отвертку и мультиметр – привычка, выработанная годами возни с техникой. Денис с детства разбирал все, что попадалось под руку, от старых часов до сломанных телефонов. Дед называл это «инженерной жилкой» и всячески поощрял, хотя мама, приезжая из города, только вздыхала, глядя на разбросанные по комнате детали.

– После школы зайдешь в музей? – спросил дед за завтраком, намазывая масло на толстый ломоть хлеба.

– Может быть, – неопределенно ответил Денис, запихивая в рот бутерброд. – Если успею.

Но в глубине души он уже решил, что пойдет. Не столько из-за проекта, сколько из любопытства. Если там действительно есть макет какой-то электростанции, может, удастся разобраться, как она работала.

После уроков Денис медленно брел по главной улице Неудачино. Дом-музей Штеффена находился недалеко от школы – небольшое аккуратное здание с резными наличниками и табличкой на двери. Денис несколько раз проходил мимо, но внутрь никогда не заглядывал.

– Была не была, – пробормотал он и толкнул дверь.

Внутри пахло деревом и еще чем-то неуловимым – может быть, временем. Первая комната была оформлена как гостиная начала прошлого века: старинная мебель, фотографии на стенах, какие-то инструменты, разложенные на столе.

– Здравствуйте, молодой человек, – раздался голос из глубины дома. – Проходите, не стесняйтесь.

Смотритель музея, пожилой мужчина с аккуратной седой бородкой, появился в дверном проеме. Он опирался на трость, но держался прямо, внимательно разглядывая посетителя через толстые стекла очков.

– Здравствуйте, – Денис переминался с ноги на ногу. – Я… мне нужно сделать проект по краеведению. Дед сказал, что здесь есть какая-то электробашня.

– Макет электробашни, – поправил смотритель, и его глаза заблестели. – Пойдемте, покажу. Это наша гордость.

Он провел Дениса через несколько комнат, рассказывая по пути о семье Штеффенов, но подросток слушал вполуха, разглядывая странные механизмы и инструменты, которыми были заставлены полки.

– Вот она, – смотритель остановился у стеклянной витрины в углу последней комнаты.

Денис подошел ближе и замер. Внутри стоял макет деревянной башни высотой около метра. Она была сделана с удивительной тщательностью – каждая балка, каждое соединение выполнены с инженерной точностью. На вершине башни крепилось что-то похожее на ветряк с лопастями, соединенный с небольшим металлическим устройством.

– Динамо-машина, – с гордостью сказал смотритель, заметив интерес Дениса. – Сам Абрам Яковлевич сделал этот макет по памяти. Настоящую башню построили его отец и дядя Корней в 1912 году. Представляете, в глухой сибирской деревне, когда даже в городах электричество было редкостью!

Денис осторожно обошел витрину, разглядывая макет со всех сторон. Его инженерное чутье подсказывало, что конструкция продумана до мелочей – угол наклона лопастей, система передачи вращения, крепления.

– А она правда работала? – спросил он, не скрывая скептицизма.

– Еще как работала! – смотритель оживился. – В доме Штеффенов горела настоящая электрическая лампочка. Люди со всей округи приходили посмотреть на это чудо. Некоторые даже крестились, думали – колдовство.

Он подошел к стене и указал на пожелтевшую фотографию в рамке:

– Вот, смотрите. Это оригинальная башня. А вот тут, – он перешел к соседней витрине, – подлинные чертежи и дневники Якова Штеффена, отца Абрама.

Денис склонился над раскрытой тетрадью. Страницы были исписаны мелким почерком на немецком языке, но среди текста встречались схемы и технические рисунки, понятные без перевода.

– Можно сфотографировать? – спросил он, доставая телефон.

– Только без вспышки, – кивнул смотритель. – И если это для проекта, то у нас есть копии некоторых документов, которые можно взять с собой. Абрам Яковлевич всегда говорил, что знания должны распространяться.

Денис провел в музее почти два часа, разглядывая макет, изучая чертежи, слушая рассказы смотрителя о том, как Штеффены экспериментировали с разными материалами, как преодолевали технические трудности, как радовались, когда впервые зажглась лампочка.

– Знаете, – сказал смотритель, когда Денис собрался уходить, – если вас действительно интересует, как это работало, вы могли бы сделать свою модель. Для проекта.

Денис, который уже думал об этом, удивленно поднял брови:

– А это возможно?

– Конечно, – смотритель улыбнулся. – Все детали можно найти в любом магазине электротоваров. Принцип простой – ветер вращает лопасти, лопасти вращают вал динамо-машины, та вырабатывает ток. Сейчас это называют ветрогенератором.

Выходя из музея с папкой копий под мышкой, Денис чувствовал необычное волнение. История, которую он считал дедовской выдумкой, оказалась правдой. И более того – эта столетняя технология вдруг показалась ему удивительно современной.

– Ветрогенератор в 1912 году, – пробормотал он, шагая по улице. – Кто бы мог подумать.

Следующие дни Денис провел, погрузившись в работу над проектом. Его комната превратилась в мастерскую: на столе громоздились инструменты, детали, чертежи; пол был усыпан стружкой и обрезками проводов. Дед молча наблюдал за внуком, лишь изредка помогая советом или инструментом.

– Как думаешь, какое дерево они использовали для башни? – спросил Денис, разглядывая фотографию оригинальной конструкции.

– Сосну, скорее всего, – дед потер подбородок. – Она легкая, но прочная. И ее тут всегда было в достатке.

Денис кивнул и вернулся к работе. Он решил сделать свою модель в масштабе 1:10 от оригинала. Башню он выстругал из сосновых брусков, тщательно соединяя их так, как было показано на чертежах Штеффенов. Самым сложным оказалось воссоздать динамо-машину.

– Вот черт, – бормотал он, пытаясь соединить катушку с проволокой и магниты. – Как они это делали без современных материалов?

В школе Денис стал рассеянным. На уроках он украдкой делал наброски деталей, а на переменах обсуждал с учителем физики принципы работы генератора.

– Интересно, какое напряжение выдавала их машина? – размышлял он вслух, возвращаясь с Петькой Соловьевым из школы. – В документах ничего об этом нет.

– Какая разница? – пожал плечами Петька. – Главное, что она работала. Слушай, дашь списать историю?

Но Денис уже не слушал. Его мысли были заняты проблемой эффективности лопастей. В чертежах Штеффенов они имели необычную форму, отличную от современных ветряков.

Вечером он снова отправился в музей. Смотритель, казалось, ждал его.

– Я так и знал, что вы вернетесь, – сказал он с улыбкой. – Возникли вопросы?

– Да, – Денис достал блокнот с набросками. – Не могу понять, почему лопасти сделаны именно так. Это же снижает эффективность.

Смотритель задумчиво погладил бородку:

– А вы подумайте о местных условиях. Ветер здесь не постоянный, порывистый. Что важнее – максимальная эффективность при сильном ветре или стабильная работа при любом?

Денис почесал затылок:

– Стабильность, конечно. Но как они догадались изменить форму?

– Методом проб и ошибок, – смотритель подвел его к витрине с дневниками. – Смотрите, здесь Яков Штеффен пишет о своих экспериментах. Они перепробовали несколько вариантов, прежде чем нашли оптимальный.

Денис склонился над записями. Хоть он и не понимал немецкого, но схемы говорили сами за себя – Штеффены систематически тестировали разные формы лопастей, измеряя результаты.

– Настоящие ученые, – пробормотал он с невольным уважением.

Вернувшись домой, Денис переделал лопасти, придав им форму, более близкую к оригиналу. Работа продвигалась медленно, но верно. Через неделю башня была готова, динамо-машина собрана, оставалось все соединить и проверить.

– Завтра испытания, – объявил он деду за ужином, размахивая вилкой. – Если все получится, лампочка должна загореться.

– Не сомневаюсь, – кивнул дед, пряча улыбку в усы. – Штеффены бы тобой гордились.

Утром Денис установил модель во дворе. День выдался ветреный – идеальные условия для испытания. Он подключил к динамо-машине маленькую светодиодную лампочку и отступил, наблюдая, как ветер раскручивает лопасти.

Они вращались все быстрее, но лампочка оставалась темной.

– Не понимаю, – Денис хмурился, проверяя соединения. – Все должно работать.

Он провозился до вечера, меняя настройки, проверяя контакты, но результат оставался прежним – генератор не вырабатывал достаточно энергии для лампочки.

– Может, ветер слабый? – предположил дед, но оба знали, что дело не в этом.

Денис угрюмо смотрел на свое творение. До презентации проекта оставалось два дня, а его модель не работала. Что-то он упустил, какую-то важную деталь, которая превращала простую конструкцию в работающий генератор.

– Пойду еще раз в музей, – решил он. – Должен быть ответ в их чертежах.

Дед молча кивнул, наблюдая, как внук бережно упаковывает модель, чтобы взять с собой. В его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость.

Музей уже закрывался, когда Денис подбежал к дверям, прижимая к груди свою модель. Смотритель уже надевал пальто, но, увидев запыхавшегося подростка, только вздохнул и молча открыл дверь.

– Не работает, – выпалил Денис, едва переступив порог. – Все сделал по чертежам, но лампочка не загорается.

Смотритель окинул взглядом модель и кивнул на стол:

– Давайте посмотрим.

Денис аккуратно установил башню и подключил лампочку. Смотритель наклонился, разглядывая конструкцию через свои толстые очки. Его пальцы, сухие и морщинистые, но удивительно ловкие, осторожно прощупывали соединения, проверяли крепления.

– Интересная работа, – наконец сказал он. – Очень близко к оригиналу. Но кое-что вы упустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.